

Константин Ильницкий

Искусство или ремесло?

* * *

Жизнью своей никому ничего не доказывал.
Не было нужно, ведь правил судьбу интерес.
Из путешествий морских, наполняясь рассказами,
я возвращался, как будто спускался с небес.

Эй, на Земле, все ли целы, здоровы ли дети?
Вечный скиталец виновен – упреки не зря.
Но не сидится никак, ведь у нас на планете
суши лишь треть, а две трети, представьте, моря!

* * *

Никогда не перееду
в ту страну, где круглый год
величайшим людоедом
восхищается народ.

Потому что поздно ль, рано –
и никто не запретит –
у преемников тирана
обострится аппетит.

Та же жажда поголовья,
но размах уже иной,
где прожарить могут с кровью
и тебя, и шар земной.

Есть место, где мы боги

Хотя нас очень много,
не видно исключенье.
Есть место, где мы боги, –
в своем воображенье.

С божественной-то силой
рвануть с женою в Ниццу,
получше выбрать виллу,
объездить заграницу.

Отправить на год тестя
в пансионат для нервов
и в потаенном месте
лимон запрятать евро.

От пандемии средство
найти угодно богу
и трахнуть наконец-то
соседку-недотрогу.

На рынке снизить цены,
от радости напиться...
Ну а насчет Вселенной –
не стоит торопиться.

Божественная воля.
Вопрос, который мучит.
Решает наши доли?
Иль человек покруче?

Ведь боги с небесами
по фактам их рожденья
относятся и сами
к плодам воображенья.

Первомай

Это впрямь стариковское счастье –
ностальгический дух первомай.
Когда видно согражан участие,
что места уступают в трамвае.

Словно всхлип пионерского горна,
где товарищи мы, не мещане.
И трудились хоть тяжко, но гордо,
и за всё нам воздать обещали.

Не нашлось. Ничего не воздали.
Только память жива первомай.
Может, блеск юбилейной медали?
И места уступают в трамвае.

Игуана

Украшенье ворот зоосада,
поактивней его пропиарь.
Но глядит немигающим взглядом
разноцветная гибкая тварь.

Укусить бы и толику яду.
Извините, ей так невтерпеж.
Но потом будет ждать сколько надо.
Сколько надо – пока не умрешь.

Поиск чуда в мире слов

Искусство или ремесло?
Здесь споры бесконечны,
когда гончар вершит замес
ума, души и чувств.

Но поиск чуда в мире слов –
поэзия, конечно,
давно занесена в реестр
по линии искусств.

У стихов волшебная сцепка.
И тогда уже головы кругом,
когда буквы, обнявшись крепко,
начинают любить друг друга.

И тогда уж мы сердцем с ними.
А расчувствуемся – навзрыд.
И гори она пламенем синим
иерархия – алфавит.

Если буква сольется с буквой,
рифмы выровняв заподлицо,
это Бог простирает, друг мой,
обнимающих рук кольцо.

В каждой букве под оболочкой
тлеют угли его огня,
красотою удачной строчки
в несказуемое маня.

Качели

Нелепые порывы,
как в кинофильмах ретро,
у моря над обрывом
раскачиваться с ветром.
Кроссовок отпечатки
травмируют песок,
качнув с носка на пятку
и с пятки на носок.

Расправив шире плечи,
чтоб парусность опорой,
направлюсь я на встречу
с ветрами из Босфора,
а может быть, из Истра,
Гипаниса чуток.
То медленно, то быстро,
то пятка, то носок.

Как новости к газете,
причем свежи на диво,
ветра тысячелетий
слетаются к обрыву.
Времен ушедших запах
смешает ветра ток.
Качнешься – это Запад,
обратно же – Восток.

Все было. Столько было.
Оборванные боли.
Погосты и могилы,
курганы в Диком поле.
Бездонные глубины:
античность, неолит...
Но сквозь любые длины
ушедшее болит.

Все прошлое – как тризны,
живем мы на земле,
где мириады жизней
размешаны в золе.
Нужна такая память?
Срок давности истек.
А может быть, стихами?
И вновь скрипит песок.

Обманывает Запад,
войной идет Восток,
а я сегодня занят –
то пятка, то носок.
Глупейшие заботы,
и сам, как идиот.
Но, может, где-то кто-то
впервые не умрет?

